

Тамара Михайличенко

«Никакой бумаги не хватит для того,
чем бы я хотела с тобой поделиться»

К 100-летию со дня рождения Д.М. Фруминой и Р.З. Нудельман

Ситуация могла бы быть заурядной. Нет ничего удивительного в том, что люди годами, поколениями живут рядом, поддерживая дружеские отношения, – в одном дворе, на одной улице или хотя бы в одном городе.

Незаурядность, особенность этих отношений, конечно же, прежде всего, в их продолжительности – 61 год, если считать с первого совместного фото, подписанного «1 мая 1931 года». Но и не только. Обе изображенные, встретившись на пороге жизни, остались верны симпатии, возникшему юношескому порыву, переросшим с годами в глубокую духовную близость. Речь идет о Дине Михайловне Фруминой и Раисе Эммануиловне Нудельман. В нынешнем году каждой из них исполнилось бы 100 лет.

Неслучайность фото семнадцатилетних девушек уже в обстоятельствах возникновения его. Совсем не так просто, как теперь, решался тогда вопрос фотографирования. Нужно было определенное намерение, чтоб подготовиться и прийти в фотографию; да и снимок не самый маленький по тем временам – средних размеров. Подтверждение такого настроения находим на открытке: «Дорогая Диночка! Что у тебя слышно? Как обстоят дела дома? ... Пиши поскорее. Всего хорошего. Целую крепко, крепко. Любящая тебя Рая Н.». Это как раз 1930 год. А на фото очень выразительные лица девушек – в них просматриваются характеры и даже прочитываются судьбы: спокойное уверенное выражение лица Раи отличается от напряженной, словно куда-то устремленной Дины.

Как писала впоследствии Фрумина о своей подруге, «родилась она в семье интеллигентных тружеников и получила прекрасное домашнее воспитание. Круг понятий о форме поведения в об-

Рая Нудельман и Дина Фрумина. 1 мая 1931 г.

ществе почерпнут ею из опыта родителей и старших братьев и сестер; из книг, окружавших ее с детства; из музыки, звучавшей в их доме; из созерцания произведений искусства в музеях». Эта большая «семья интеллигентных тружеников», внесших, к слову, заметный вклад в развитие страны, и впоследствии всегда была крепким тылом Раисы здесь, в Одессе, и в Москве, куда вернулась она из эвакуации.

Гораздо проще была семья Дины, но образование старались дать обоим детям – старшему Эммануилу и младшей Дине. Родители поддержали ее стремление к рисованию и отпустили пятнадцатилетнюю девочку из маленького городка в Одессу приобщиться к большому неведомому миру искусства. Дина с жадностью пользовалась всякой возможностью пополнения своего совсем не широкого кругозора и такого же образования. Интеллигентный, по-домашнему теплый дом семьи Нудельман, как говорила сама Фрумина, сыграл значительную роль в ее развитии. Большая домашняя библиотека была важной частью мира, в котором росла

1932 г. Внизу справа Дина Фрумина,
вверху в центре Рая Нудельман

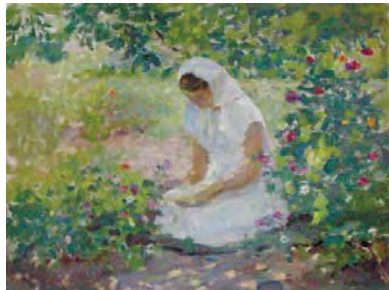
Дина Фрумина. Одесский художественный
институт. 1932 г.

Рая, но эта же библиотека в значительной мере открыла и Дине свободный доступ к мировой классике. Только познавала она все это богатство стремительней. И на фото мы видим лицо человека, которому еще так много нужно узнать, – она на-верстывает.

Так и в будущем сложилось. Спокойная обеспеченная уравновешенная жизнь Раисы Эммануиловны Нудельман и устремленная вперед нелегкая судьба Дины Михайловны Фруминой – судьба, в которую она вложила много сил, в которой всегда была своя позиция, вызывавшая уважение, тайную зависть, сочувствие. Об этом на другой открытке без даты, но из той же далекой юности: «Тебе от Раички. Упорному чертенку Диночке Фрумчику. Р. Нудельман». Упорство как очень важную черту характера подруги не раз и впоследствии отмечала Раиса: «...мне кажется, что ты принадлежишь к числу самых сильных и, безусловно, честных художников. Очень многие, и я в том числе, постоянно удивляемся твоей неотомимости, преданности своему

делу... ведь очень не многим дан такой дар, как тебе».

Художественная профшкола и три курса института пролетели быстро. Раиса осталась в Одессе и едва не вышла замуж

Д.М. Фрумина. Живопись

за М.Д. Муцельмахера, своего преподавателя, незадолго до того приехавшего из Москвы.

А Дина, преодолев семейные проблемы, уехала в Киевский художественный институт, где оказалась в мастерской одного из интереснейших живописцев, Ф. Кричевского, стала свидетелем драматических эпизодов, которыми так богаты были 1930-е годы. Фрумина оставила очень наполненные событиями и людьми воспоминания. В них любопытное описание начала войны в Киеве, путь в эвакуацию в Самарканд группы киевских студентов. Там, в Самарканде, где собрались

Дина Фрумина. 1943 г.

все художественные вузы страны, защитила Дина диплом, впервые участвовала в выставке, стала членом Союза художников. И всегда потом вспоминала она это голодное военное время как самую счастливую пору своей жизни. Теплая память Дины Михайловны об этом волшебном крае впоследствии привела некоторых ее учеников в Самарканд, ставший живописной страницей и их творчества.

Вместе с художественными вузами Дина переехала в Москву и стала работать в мозаичной мастерской П.Д. Корина на грандиозной стройке по сооружению Дворца советов, стала членом Московской организации Союза художников. С трудом, преодолевая бытовые проблемы военного времени, она ухитрилась сохранить и привезти в Одессу свои живописные работы самаркандского периода. Именно эти произведения по просьбе коллег, возвращавшихся с фронта, согласилась Фрумина показать в Музее западного и восточного искусства в 1946 году.

Здесь, в их родном городе, нашла ее Раиса после многих лет разлуки. Как пишет она в одном из писем, сохраненном Диной

Р.Э. Нудельман. 1952 г.

Михайловной, «...приехала я в Москву в сентябре 1945. Все годы, которые я провела в Башкирии, я провела в совершенном бездействии. У меня под рукой ничего не было, да и жизнь была такая, что было не до живописи... четыре года кисти в руки не брала». Но «когда я приехала сюда, начала ходить по выставкам, и снова невероятно захотелось писать». И Нудельман начинает наверстывать потерянное, и в этом ей помогает врожденное «...очень острое чувство, я очень быстро отличаю настоящее от ненастоящего». Москва предоставляла много возможностей. Раиса посещает музеи, воспринимая все сознанием взрослого человека: «Так много дает Третьяковка и изящный музей. Ты знаешь,

Дина, после Серова и Врубеля Репин совсем не смотрится... Дома пишу и начинаю посещать студию в ЦДРИ. Там позируют для художников три прекрасные модели – рисуй по выбору...».

И у нее появляются вполне осознанные профессиональные приоритеты: Кончаловский – «колосс... самый замечательный художник нашего времени». Она нашла возможность показать ему свои работы и сообщает Дине: «Кончаловский сказал о работах так: «Безусловно, человек талантливый (!?!?) (Немного утешил, а то иногда кажется, что совсем напрасно этим всем занимаешься)». Она была у Фалька в мастерской, и ее отношение к его творчеству совпадает с Дининым, которая в Самарканде показывала ему свои работы: «...Вот поистине чудесный музейный художник... Что за живопись, вот это то, что ты называешь драгоценной». В Еврейском театре спектакль, оформленный Фальком:

«...чудесно написанные пейзажи сменяются много раз... Очень хотела бы, чтоб и ты это увидела!» – пишет она Дине.

Но кроме посещения выставок, музеев, театров Раиса много работает, участвуя в оформлении новогодних елок в Колонном зале Кремля, росписях на сельскохозяйственной выставке («...нам осталась еще роспись потолка. Работаю все время на лесах»). В это время проходит перерегистрация художников МОСХа, и Нудельман показывает одиннадцать работ с восемнадцатью художниками – сначала в секции, потом в правлении.

Р. Нудельман. Портрет Д. Фруминой. 1950-е гг.
Музей им. А. Блещунова

Она констатирует: «На стенке они (мои работы) выглядели не хуже других. Я одна показала людей, остальные пейзажи, натюрморты».

Почти в каждом письме она отмечает характер и способности Дины, поддерживает ее: «Тебя, кто знает здесь, хвалит. Многие очень жалеют, что не видели твоих работ. ...Все же ты железный человек, если можешь после всех хозяйственных дел заниматься живописью и по вечерам рисовать. Ты чудо, я давно в этом убедилась. Ах, если бы ты была свободна от всяких забот, вот где бы ты натворила...». Когда до нее доходит информация о разгромном обсуждении выставки Фруминой, состоявшейся в конце 1946 года в Музее западного и восточного искусства, она реагирует очень эмоционально: «Мне жаль, что я не видела этой выставки, а этому Удалову, несмотря на его подлючую репутацию, никто до сих пор не намылил шею... Сама, кажется, дала бы ему по роже».

Искренне, нескрывая радости Раиса отчетной выставке, показанной Диной в 1950 г. (после не затихшей окончательно вспышки туберкулеза): «Ты меня продолжаешь восхищать! Несмотря ни на что, собрала 50 вещей. Молодец, чудо, право, да для тебя это и не удивительно, если бы было наоборот, я бы поражалась».

Д. Фрумина. Портрет Р. Нудельман. 1952 г.

(Сама Фрумина и к выставке, и к маленькому каталогу ее относилась скептически и даже не упоминала о них.)

Многолетнее расставание, как видно из писем, ознаменовалось встречей в 1949 году. Раиса пишет: «...Я также очень боялась встречи с тобой. Я всегда пасовала перед твоим твердым, целеустремленным и непреклонным характером и, конечно, побаиваюсь тебя... И вот, когда я тебя встретила, оказалось, что тебе мне показывать работы легче, чем кому бы то ни было, ты мне очень много помогла». Вероятно, это

было, когда Фрумина приехала в Москву с группой одесских художников, которым Нудельман по собственной инициативе организовывала посещения мастерских московских коллег.

После встречи Раиса начинает еще активнее помогать Дине, присылая краски, каталоги, альбомы, репродукции, не только черно-белые, но и цветные, что было большой редкостью тогда. Она поддерживает Фрумину, которая стала преподавать в Художественном училище: «...Я очень рада за тебя, что ты определилась в училище... Мне кажется, преподавание – это прямое назначение художника, конечно, после живописи». Фрумина двадцать лет преподавала в училище, сформировав многие творчески очень разные судьбы не только обучением профессии. Она вызывала к себе уважение заботливым отношением к студентам и своей бескомпромиссной позицией, которой не изменяла, даже рискуя потерять работу, что для нее было бы просто катастрофой.

Активная творческая московская жизнь Раисы Эммануиловны кардинально изменилась после ее замужества и переезда в Одессу. Борис Адольфович Минкус хоть и был человеком из научного мира, не был чужд искусству – отец и брат его были известными

архитекторами. Размеренная хорошо обеспеченная семейная жизнь давала возможность Нудельман заниматься живописью, совершенно устранившись от какой-либо общественной деятельности. Вот как писала об этом периоде Фрумина: «Утомившись всякими лишениями: ужасами войны, эвакуации, страхом перед часто возникавшими в стране политическими вспышками, Раиса Эммануиловна, создав свой уют и дом, погрузилась в атмосферу созерцания, тихо писала, что хотела, избегая давления соцреализма, для которого понятие «что» было важнее, чем «как». Будучи членом СХ Украины и Московского Союза художников, Раиса Эммануиловна не становится на учет в одесском отделении Союза художников, очень редко показывает свои произведения на выставках, опасаясь быть не понятой ценителями искусства, суждения которых часто грешат неточностью».

Она писала гармоничные красивые произведения, как правило, небольшого размера. Профессионально грамотные, согретые душевным удовольствием, мастерски исполненные технически – с прозрачными лессировками, тонким письмом – работы Раисы Эммануиловны несколько потемнели со временем, но сохранили отражение неповторимой личности автора. Их не много.

Конечно, отношения двух подруг продолжились после приезда Нудельман в Одессу, приобретая тональность семейной близости. Немногочисленные фото запечатлели их вдвоем и в более широком кругу, на природе. Они иногда писали как бы параллельные работы – «Петунии». Написали и портреты друг друга – близкие по размеру и композиции. Но портрет, исполненный Фруминой,

Д.М. Фрумина, Р.Э. Нудельман и Б.А. Минкус
Конец 1950-х гг.

отличается все-таки большей выразительностью трактовки образа и колористической цельностью.

Как писала о себе Нудельман в письмах из Москвы, «...я всегда, когда начинаю халтуру, надеюсь, что она не состоится, я всегда ужасно устаю и выбиваюсь из колеи». У Фруминой такой возможности не было. Она всю жизнь вынуждена была писать заказные работы, не прекращая активного творческого процесса, педагогической деятельности, – и все это на фоне очень не простой бытовой ситуации. Действительно, она была «железным человеком», хотя всегда хотела быть женственной, как сама говорила. Ей удавалось и это обманчивое впечатление.

После смерти Раисы Эммануиловны в 1995 году Дина Михайловна организовала первую и единственную выставку работ Нудельман, написав теплую статью о своей подруге, распределив ее работы по коллекциям.

Время, на которое пришлось эта дружба, было наполнено многими сложными и даже трагическими событиями. Каждая из подруг по-разному вписалась в ту объективную историческую реальность, которая называется жизнь. В разной мере известны они в городе, в своем мире искусства, так как разной была их общественная активность. И память о Раисе Эммануиловне Нудельман – это отраженный свет яркой личности Дины Михайловны Фруминой, память о которой – часть истории Одессы.

